

ЗНАМЕНИТЫЕ ЖЕНЩИНЫ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1789-1795 гг.

Эмма Адлер

(20.05.1859, Дебрецен, - 23.02.1935, Цюрих)

Оригинальное название книги:

"Die berühmten Frauen der französischen Revolution 1789-1795",

впервые издана в 1900 году,

здесь можно скачать и прочитать немецкий текст по изданию 1906 года

<http://www.mobileread.com/forums/showthread.php?t=135916>

Перевод с немецкого

Казимира Казимировича Богдзевича

М.: Товарищество типографии А.И.Мамонтова. 1907. 303 с.

Веб-публикация: маршал Франции, Великий Адмирал Франции, великий герцог Клаве и Берга, король Неаполя и Обеих Сицилий, гроза женщин и казаков Иоахим Мюрат, и редакторы Vive Liberta, 2008

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие *Каз.Богдзевича*

Предисловие автора (*Эммы Адлер*)

Мадам Легро

Теруань де Мерикур

Шарлотта Корде

Мадам Ролан

Люсиль Демулен

Олимпия де Гуж

Роза Лакомб

Мадам Букэ

Мадам Тальен

Маркиза де Кондорсе

Заключительное слово *Каз.Богдзевича*

[Другие части книги можно скачать в нашей библиотеке.](#)

Теруань де-Мерикуръ.

Теруань де-Мерикуръ, эта несправедливо оклеветанная и непонятая „амазонка французской революціи“, родилась 13 августа 1762 года въ Маркурфъ, провинціи Люксембургъ.

Она называлась собственно Анной Юзефой Терванъ, часто встрѣчающимся въ Люттихѣ и Люксембургѣ именемъ, произношеніе котораго измѣнилось во французской передѣлкѣ.

Теруань пережила печальное дѣтство; ея отецъ, вслѣдствіе несчастнаго процесса и неудачныхъ предпріятій, лишился своего имущества. Прежде онъ былъ довольно состоятельнымъ фермеромъ и, кромѣ того, велъ небольшую торговлю, на средства отъ которыхъ онъ и его семья могли существовать безбѣдно. Теруань и ея братья были еще дѣтьми, когда умерла ихъ мать. Тетка, которую они имѣли въ Люттихѣ, взяла ихъ къ себѣ. Вначалѣ она держала дѣвочку при себѣ, затѣмъ помѣстила ее въ монастырь, гдѣ Теруань научилась немного шить. Когда, годъ спустя, тетка ея вышла замужъ, то не хотѣла далѣе платить въ монастырь за свою племянницу и взяла ее опять къ себѣ. Но она такъ дурно обращалась съ ней, что послѣдняя вернулась къ отцу, который, между тѣмъ въ это время, вступилъ въ новый бракъ. Но и тамъ Теруань не могла оставаться долго, такъ какъ мачеха дурно обращалась съ нею и ея братьями и потому дѣти вынуждены были покинуть

родительскій домъ. Дѣвочка и младшій братъ ея направились къ родственникамъ въ Ксорисъ; Теруани исполнилось тогда 13 лѣтъ, а братъ ея былъ еще со-всѣмъ ребенкомъ. Но тамъ отъ нихъ требовалась такая работа, которая не соотвѣтствовала ни ихъ силамъ, ни возрасту; но она выносила ихъ гораздо охотнѣе, нежели преслѣдованія, которыхъ недавно избѣгла. Но, когда и работы стали невыносимы, она снова вернулась въ Люттихъ къ своей сердитой теткѣ, которая обращалась съ нею такъ же дурно, какъ и прежде, такъ что Теруанъ ушла отъ нея въ Лимбургъ, гдѣ она цѣлый годъ пасла коровъ. По истеченіи этого времени, она опять возвратилась въ Люттихъ и продолжала учиться шитью. Когда ей исполнилось 16 лѣтъ, она познакомилась съ одной англійской дамой, поселилась у нея, и та обращалась съ нею во всѣхъ отношеніяхъ хорошо. Благодаря ей, Теруанъ получила музыкальное образованіе. Двадцати лѣтъ она отправилась съ этой дамой въ Англію. Тамъ, въ ея домѣ, она познакомилась съ молодымъ, богатымъ англичаниномъ. Сначала онъ велъ себя въ отношеніи къ ней вполне добропорядочно, а потомъ все болѣе увлекался и, при каждомъ удобномъ случаѣ, старался показывать ей, какъ мила и дорога была она ему; равнымъ образомъ и ей становился молодой человѣкъ все болѣе симпатичнымъ, и постепенно въ обоихъ сердцахъ разгоралась пылкая любовь. Дама, съ чисто материнскимъ инстинктомъ, посоветовала ей прекратить сношенія съ богатымъ мужчиной, такъ какъ въ серьезность его намѣреній она не вѣрила и даже рѣшила отказать молодому человѣку отъ посѣщеній ея дома. Но онъ не прекращалъ своихъ домогательствъ. Однажды вечеромъ, когда дамы не было дома, пришелъ молодой англичанинъ къ Теруани и наговорилъ ей тысячу соблазнительныхъ вещей, говорилъ о своей любви и предложилъ ей бѣжать и выходить за него замужъ. Теруанъ испугалась, хотѣла скрыться отъ него, но онъ послѣ-

довалъ за ней, схватилъ ее и повлекъ въ свою карету. Сперва она разсердилась, наговорила ему массу упрековъ; но молодой человѣкъ возобновилъ свои клятвы, и любовь подавила, наконецъ, ея сердитое настроеніе, разсѣявъ и печаль о необходимости навсегда разстаться съ дамой, которой она столь многимъ была обязана.

Молодой влюбленный привезъ Теруанъ въ свое помѣстье близъ Лондона, гдѣ, по его словамъ, они должны были повѣнчаться. Теруанъ довѣрилась вполне его порядочности и нѣжнымъ чувствамъ. Такъ какъ онъ былъ дворянинъ и, по достиженіи совершеннолѣтія, ему предстояло получать 10000 ливровъ годового дохода, то и находился въ полной зависимости отъ своей семьи, а послѣдняя, по всей вѣроятности, не могла бы равнодушно отнестись къ тому, что онъ вознамѣрился жениться на дѣвушкѣ безъ всякихъ средствъ и незнатнаго происхожденія. Но молодой человѣкъ любилъ Теруанъ такъ страстно, что, несмотря ни на какія препятствія, тотчасъ бы и женился на ней, если бы она того потребовала; но, какъ всѣ влюбленные, она не думала о будущемъ и жила только настоящимъ.

Время шло и, съ наступленіемъ совершеннолѣтія молодого человѣка, уже вступившаго во владѣніе крупнымъ богатствомъ, исчезло и счастье Теруанъ. Съ этого времени измѣнились и его отношенія къ ней.

Онъ подарилъ Теруани 20000 ливровъ и повезъ ее въ Парижъ, гдѣ прожилъ съ нею нѣкоторое время и, вмѣстѣ съ тѣмъ, началъ вести крайне развратный образъ жизни. Теруанъ такъ была этимъ опечалена, что вскорѣ заболѣла. Казалось, что этимъ онъ былъ очень тронутъ и, можетъ быть, ей удалось бы еще вернуть его на истинный путь, если бы, къ несчастью, не туманило его головы огромное богатство и онъ не окружалъ себя товариществомъ испорченныхъ тварей, которыя употребляли всѣ средства, чтобы тянуть его на свою сторону. Постепенно, и все болѣе, утрачивалъ

онъ всѣ свои хорошія качества и опускался все ниже и ниже; несмотря на это, Теруанъ все еще любила его и дѣлала все, чтобы вытащить его изъ Парижа. Она надѣялась, что, если однажды высвободить его изъ рукъ низкихъ и безчестныхъ друзей и содержанокъ, то онъ снова поведетъ порядочный образъ жизни. Теруани удалось расшевелить его и возвратиться съ нею въ Англію; съ большимъ самоотверженіемъ она убѣждала его какъ можно скорѣе покинуть столь небезопасное для него мѣсто и такъ быстро собралась, что не успѣла продать мебели и прочаго имущества, оставивъ его въ чужихъ рукахъ.

Успокоенная и полная надеждъ готовилась она къ отъѣзду, но, къ несчастью, ей пришлось совершенно обмануться во всѣхъ своихъ расчетахъ. Ядъ распутства охватилъ его цѣликомъ. Онъ оставилъ ее одну на дачѣ, самъ же отправился въ Лондонъ и тамъ уже предался такой разнузданности, что въ конецъ распаталъ свое здоровье. Предвидя, что теперь уже всѣ старанія ея будутъ напрасны, что онъ никогда болѣе не исправится, и понявъ, что совершенно безсмысленно связывать себя съ мужчиной, который со дня на день становился все болѣе недостойнымъ ея, она рѣшила, что будетъ лучше предоставить ему идти своей дорогой, такъ какъ онъ не имѣлъ уже силъ преодолѣть себя, нежели раздѣлять его участь и самой навсегда сдѣлаться несчастной. Теруанъ покинула своего жениха въ 1787 году съ сердечной болью, такъ какъ продолжала еще любить его.

Теруанъ сначала направилась въ Лондонъ. А такъ какъ здѣсь у ней не было никакихъ знакомыхъ, то ей пришла въ голову мысль возвратиться къ своимъ роднымъ и подѣлиться съ ними своими деньгами. Она не хотѣла огорчать своего отца и рѣшила представиться вдовою, придумавъ себѣ англійскую фамилію, и объявить, что деньги достались ей въ наслѣдство отъ покойнаго мужа.

На пути къ своему отцу, въ деревнѣ Жюпилль, въ Арденнахъ, она узнала, что онъ умеръ. Тогда она измѣнила планъ своей поѣздки и посѣтила на короткое время своихъ мачеху и братьевъ; первой она дала немного денегъ, а трехъ своихъ братьевъ взяла съ собою въ Парижъ, чтобы тамъ дать имъ образованіе, при чемъ одному изъ нихъ музыкальное, другимъ художественное. Но тутъ она попала въ руки одного недобросовѣстнаго учителя музыки. Онъ составилъ контрактъ, который та не читая, и безъ перевода такового хотя бы въ общихъ чертахъ (онъ былъ написанъ на итальянскомъ языкѣ), подписала. Учитель убѣдилъ ее ѣхать съ нимъ и братьями въ Италію, указывая на преимущества, которыя представятся тамъ какъ для ея собственнаго, такъ и ея братьевъ, музыкальнаго образованія. Теруанъ, конечно, совершенно не подозрѣвала того, что имѣлъ въ виду старый негодяй, и согласилась на поѣздку въ Италію. Тамъ только узнала она содержаніе контракта; оказалось, что она сама обязывалась пѣть немного въ театрѣ, къ чему, однако, она не имѣла никакой склонности, такъ какъ въ то время театральныя пѣвицы вообще не пользовались большимъ почетомъ. Сумма, которую она должна была платить за ученіе, оказалась также преувеличенной. Но хитрый обманщикъ ошибся въ расчетахъ; Теруанъ обратилась къ адвокату и вскорѣ же освободилась отъ безчестнаго и наглаго челоуѣка.

И вотъ она опять въ нерѣшительности, не зная, куда ей направиться: въ Римъ, Лондонъ или на родину. Для приведенія въ порядокъ ея личныхъ дѣлъ, ей надлежало бы отправиться въ Парижъ. Въ это время она узнала, что тамъ скоро должно состояться великое національное собраніе, и она рѣшила ѣхать во Францію, чтобы стать свидѣтельницей такого великаго зрѣлища.

Сначала она жила въ Парижѣ совершенно одиноко. Свободное отъ занятій музыкой время она проводила за чтеніемъ ежедневныхъ газетъ, политическое содер-

жаніе которыхъ, какъ она сама сознавала, было мало доступно ея пониманію. Несмотря на то, что она не имѣла никакого представленія о правахъ народа, Теруанъ по своей природѣ любила свободу. Инстинктъ, природное дарованіе, въ которыхъ она не могла дать себѣ яснаго отчета, увлекали ее въ революцію. Въ то время какъ ей недоставало знаній, начиная правильныя посѣщенія національнаго собранія, она мало-по-малу стала вдумываться въ его настоящее назначеніе.

Объ осадѣ Бастиліи она сама рассказываетъ слѣдующее: „Я находилась въ Пале-Роялѣ, когда пришло извѣстіе, что Бастилія взята приступомъ. На всѣхъ присутствовавшихъ отразилось неизъяснимое удовольствіе, многіе плакали отъ радости и восклицали: нѣтъ болѣе Бастиліи, насталъ конецъ приказамъ о тайныхъ арестахъ. Когда прибылъ въ Парижъ король, не могу теперь съ точностью установить этого дня, я пошла ему навстрѣчу въ одной шеренгѣ съ солдатами и рада была сыграть роль мушкетера, такъ какъ меня всегда оскорбляло сознаніе рабства и предрасудковъ, въ силу которыхъ мушкетеры угнетаютъ нашъ полъ. Хотя я каждый день ходила въ Пале-Рояль, я никогда не выступала публично, потому что ничего не сумѣла бы сказать. Ежеминутно я видѣла пушки, мѣшки съ мукой, которые туда привозились. Потомъ я видѣла французскихъ гвардейцевъ, освобожденныхъ изъ тюрьмы народомъ. Сильное впечатлѣніе производило на меня зрѣлище всеобщаго радостнаго настроенія. Духъ эгоизма какъ будто исчезъ, всѣ держали себя одинаково, безъ различія сословія. Въ этотъ моментъ всеобщее движеніе смѣшивало богатыхъ и бѣдныхъ и для первыхъ не считалось уже презрительнымъ вступать въ разговоры со вторыми, какъ съ равными себѣ. Всѣ лица казались мнѣ измѣнившимися, каждый стремился обнаружить свои достоинства и свои природныя склонности. Я видѣла многихъ, которые, несмотря на свои рубища, вы-

глядывали героями. Чувствуя весь этотъ великій подъемъ духа, нельзя было равнодушно смотрѣть на подобное зрѣлище“.

Воодушевленіе Теруани было очень велико и она рѣшила итти въ Версаль, чтобы быть свидѣтельницей того, что происходило на національномъ собраніи; она очень сожалѣла, что ей не пришлось присутствовать тамъ съ самаго начала и что она не пережила изъ-за этого лучшихъ его моментовъ. Она пришла въ то время, когда началось обсужденіе человѣческихъ правъ, и затѣмъ стала проводить тамъ время съ утра до вечера. По собственному ея признанію, ее ужасно сокрушало, что ей не удалось даже принять участія въ знаменитомъ шествіи женщинъ, 5 октября, которыя явились въ Версаль требовать отъ короля хлѣба. Она сама говоритъ, что присутствіе на ежедневныхъ засѣданіяхъ собранія производило на нее неотразимое впечатлѣніе и вызывало такой подъемъ духа, который совершенно преобразилъ ее. Теперь она убѣдилась, что ранѣе ничего не понимала и что только постепеннымъ развитіемъ своихъ мыслей постигла, въ чемъ заключаются потребности народа и привилегированныхъ сословія, и чѣмъ болѣе она замѣчала, что справедливость и здравый смыслъ на сторонѣ народа, тѣмъ болѣе росъ въ ней патріотизмъ.

Теруанъ, которая на галлерей національнаго собранія переживала происходившее на засѣданіяхъ, познакомилась тамъ съ такими же восторженными посѣтителями. Нѣкоторымъ изъ нихъ она предложила образовать вмѣстѣ съ нею политическій союзъ, который долженъ былъ называться „клубомъ человѣческихъ правъ“. Около двѣнадцати лицъ въ самое короткое время стали собираться въ ея квартирѣ. Этотъ союзъ поставилъ себѣ самыя широкія задачи, но привести ихъ въ исполненіе намѣревался лишь послѣ того какъ число его членовъ значительно увеличится. Однако, эти задачи никогда не осуществились, такъ какъ союзъ не достигъ даже 50 чле-

новъ, изъ которыхъ на засѣданія появлялось не болѣе девяти-десяти человѣкъ.

Камилль Демуланъ, въ своемъ „Journal de Révolutions de France et de Brabant“*), описываетъ, что произошло въ одномъ изъ засѣданій, состоявшемся въ клубѣ якобинцевъ, когда тамъ появилась Теруанъ де-Мерикуръ. Лишь только она показалась, какъ одинъ уважаемый членъ клуба торжественно воскликнулъ: „Это сама царица Савская пришла сюда навѣстить своего Соломона!“. Теруанъ, во вступительной части своей рѣчи, опираясь на это сравненіе, сказала: „Да, слухъ о вашей мудрости вводитъ меня въ вашу среду. Докажите, что вы Соломоны, что вамъ предназначено построить храмъ, а потому и торопитесь воздвигнуть таковой для національнаго собранія; вотъ, въ чемъ состоитъ мое предложеніе. Могутъ ли истинные патріоты допускать далѣе, чтобы деспотизмъ жилъ во дворцѣ, тогда какъ истинные представители законодательнаго учрежденія, избранники народные, могли засѣдать либо подъ шатромъ, либо въ помѣщеніи для придворныхъ увеселеній, или въ балъныхъ залахъ, либо въ манежѣ, какъ нѣкогда голубь, выпущенный изъ Ноева ковчега, не могъ найти мѣста, куда бы ему присѣсть? Послѣдній камень послѣдней тюрьмы Бастиліи пусть будетъ сланъ въ архивъ сената, гдѣ бы онъ могъ служить предметомъ обзорѣнія, какъ иѣкотораго рода достопримѣчательность. Площадь Бастиліи теперь свободна, 100.000 рабочихъ нуждаются въ работѣ. Зачѣмъ медлить намъ, почтенные кордельеры, вожаки партій, патріоты, республиканцы, братья, вы всѣ, кто меня слушаетъ? Торопитесь открыть подписку, чтобы на мѣстѣ прежней Бастиліи воздвигнуть національный дворецъ. Вся Франція будетъ торопить васъ и помогать вамъ. Вѣдь страна ждетъ только сигнала, такъ подайте же его ей; пригласите лучшихъ мастеровъ,

знаменитыхъ художниковъ, объявите конкурсъ для зодчихъ, срубите кедръ ливанскій, ели съ горы Иды! Если бы камни сами могли двигаться, то ихъ слѣдовало бы отвлечь отъ стѣнъ Фивъ и направить на сооруженіе храма свободы. Чтобы украсить и хорошо обставить это зданіе, пожертвуемъ все наше лишнее золото и драгоценные камни. Я первая подамъ этому примѣръ. Вамъ уже неоднократно говорили, что французы похожи въ этомъ отношеніи на евреевъ, народъ, который жертвовалъ свои драгоценности для сооруженія золотого идола. Простой народъ улавливается чувствомъ, онъ нуждается во внѣшнихъ знакахъ, на которыхъ останавливаетъ свое почитаніе. Отвлеките вашъ взоръ отъ Тюильери, Лувра, и обратите его на то, чтобы въ новомъ храмѣ примѣнить базилику, лучшую чѣмъ у св. Петра въ Римѣ и св. Павла въ Лондонѣ. Только тотъ храмъ достоинъ названія истиннаго, вѣчнаго, въ которомъ провозглашаются человѣческія права. Французы въ своемъ національномъ собраніи возстановили права народа и гражданъ. Вотъ великое зрѣлище, на которомъ, безъ сомнѣнія, будетъ покоиться благосклонный взоръ Провидѣнія; это и есть то истинное богослуженіе, на которомъ молитвы будутъ возноситься съ большимъ благоговѣніемъ, нежели при превосходно воспѣваемыхъ „Kugie eleison“ или „salvum fac regem“. Можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвела на слушателей столь вдохновенная рѣчь, эта смѣсь образовъ изъ Пиндара и изъ священнаго писанія, въ особенности, когда она исходила изъ такихъ прекрасныхъ устъ. Бурные аплодисменты огласили залъ, когда она кончила. Тутъ же рѣшили напечатать воззваніе и разослать его въ 59 округовъ и 83 департамента. Подобно постановленію Никейскаго собора, признавашаго, что и женщины имѣютъ такіе же душу и разумъ какъ мужчины, было бы хорошо, если бы и они въ своихъ рѣчахъ выказывали не меньшее вдохновеніе, чѣмъ эта неожиданная ораторша.

*) „Журналъ революціи во Франціи и Брабантѣ“.

Но, въ своемъ увлеченіи общественными событіями, Теруань не во всѣхъ нашла себѣ друзей; скорѣе, она приобрѣла себѣ больше враговъ. Уже на галлерей національнаго собранія послышался ропотъ, такъ какъ на присутствовавшихъ тамъ аристократовъ непріятно подѣйствовали ея рвеніе и искренность; они начали произносить колкія слова и каждый день досаждали ей новыми оскорбленіями. Но и товарищи по убѣжденіямъ, которые, вмѣсто того, чтобы быть къ ней справедливыми, высмѣивали ее и давали ей поводъ къ огорченіямъ. Къ этому присоединились еще несправедливыя подозрѣнія, что она виновна въ происшествіяхъ 5 и 6 октября; ее пробовали стращать угрозами, что противъ нея будетъ возбуждено дѣло. Несмотря на это, она сознавала себя ни въ чемъ невиновной, все-же не безъ страха задумывалась надъ возможностью преслѣдованія и вспоминала о случаѣ съ нѣкимъ безвинно осужденномъ въ Шаталэ узникомъ. Въ одномъ она была убѣждена, что своею откровенностью она навлекла на себя много враговъ. Къ этому присоединилось еще одно обстоятельство.

Теруань привыкла жить роскошно, безъ разчета, такъ что богатство, доставшееся ей отъ ея бывшаго жениха, съ теченіемъ времени значительно сократилось. Вдругъ она замѣтила, что можетъ совершенно обѣднѣть, и потому рѣшила покинуть Парижъ и переселиться, вмѣстѣ съ братомъ, въ Люттихъ, гдѣ считывала повести скромный образъ жизни.

Послѣ нѣкоторыхъ приключеній въ пути, достигла она, наконецъ, своей родной деревни Маркуръ. Она долго не могла притти въ себя отъ радости, снова увидѣвъ свою родину, домъ, въ которомъ она родилась, своихъ родныхъ и нѣкоторыхъ подругъ дѣтства. При наплывѣ своихъ дѣтскихъ воспоминаній она почти забыла революцію и совсѣмъ погрузилась въ прошедшее, возобновила съ своими подругами всѣ юношескія

игры съ безопасною радостью, какъ будто въ ея мірѣ не существовало опыта и пережитковъ между настоящимъ и прошедшимъ. Она такъ была поглощена деревенскою безмятежностью и созерцаніемъ красоты природы, что надолго рѣшила тамъ остаться, вовсе не желая возвращаться въ Францію, и послала своего старшаго брата въ Парижъ за своими вещами. Она даже приобрѣла отъ своего дяди небольшой клочекъ земли и домикъ, при чемъ платежъ былъ отсроченъ до того времени, когда у ней снова будутъ деньги.

Между тѣмъ, она удалилась въ еще болѣе уединенное деревенское мѣстечко въ лѣсу, въ Ла-Бовери, чтобы тамъ на досугѣ ожидать приведенія въ порядокъ своихъ дѣлъ. Но тутъ случилось нѣчто совершенно непредвидѣнное, нѣчто выходящее изъ ряда всѣхъ человѣческихъ расчетовъ, о чемъ она не имѣла ни малѣйшаго предчувствія и отъ чего ничѣмъ не могла убе- речься!

Въ ночь съ 15 на 16 января 1791 года, когда немногіе жители этой деревеньки находились въ глубокомъ снѣ, въ дверь Теруани сильно постучались; при повтореніи стуконъ, она проснулась и открыла дверь. И вотъ въ ея комнату вошли двое совершенно ей незнакомыхъ лицъ. Одинъ изъ нихъ былъ извѣстный кавалеръ де-ла-Валеттъ, другой графъ Сень-Малонъ. Кромѣ того, ихъ сопровождалъ унтеръ-офицеръ, по имени Лешу. Эти господа запаслись хорошими рекомендательными письмами и надѣялись на княжеское вознагражденіе, если имъ удастся спровадить эту опасную личность въ надежную тюрьму. Они изобрѣли цѣлый романъ, содержаніе котораго заключалось въ томъ, что она обвинялась въ покушеніи на жизнь Маріи-Антуанетты, а слѣдовательно и въ оскорбленіи его величества Леопольда II.

Когда, съ просонокъ, Теруань спросила ихъ, чему она обязана ихъ посѣщеніемъ, они стали увѣрять ее,

что, какъ истинные патриоты, движимые дружескимъ къ ней расположеніемъ и сильной заботой, пришли спасти ее отъ преслѣдованій аристократіи. Въ то время какъ она, въ ихъ присутствіи, одѣвалась, поторапливаемая однимъ изъ нихъ, другой сталъ вездѣ осматриваться, и такъ какъ онъ замѣтилъ пачку бумагъ и писемъ, то схватилъ ихъ и положилъ къ себѣ въ карманъ. Братъ Теруани чувствовалъ себя безпомощнымъ и, несмотря на возникшія у него сомнѣнія, ничему не могъ воспрепятствовать. Теруанъ не успѣла еще придти въ полное сознаніе, какъ уже садилась вмѣстѣ съ тремя мушкетерами въ карету; кучеръ ударилъ по лошадамъ и она, минуя всякія препятствія въ пути, помчалась въ неизвѣстность будущаго.

Первоначально Теруанъ была доставлена въ Фрейбургъ, въ Брейсгау, куда они прибыли 25-го февраля, и тамъ оставалась подъ наблюденіемъ своихъ провожатыхъ до 9 марта. Въ этотъ день былъ полученъ приказъ верховнаго военнаго совѣта доставить ее подъ строгимъ конвоемъ въ крѣпостную тюрьму въ Куфштейнъ, въ Тиролѣ. Ея конвой состоялъ изъ капитана барона фонъ-Ландреша, лейтенанта Краузе и двухъ унтеръ-офицеровъ. 9 марта, вечеромъ, съ этими новыми провожатыми она покинула Фрейбургъ. Во время этого длиннаго путешествія, которое тогда совершалось еще съ большими затрудненіями въ дорожной каретѣ, Теруанъ полагала, что ее привезутъ въ Вѣну, при чемъ всѣ свои надежды она возлагала на короля Леопольда II, отъ котораго рассчитывала снова получить свободу. Баронъ фонъ-Ландрешъ велъ себя въ отношеніи къ ней весьма предупредительно, и видя, въ какомъ душевномъ потрясеніи она находилась, оставлялъ ее въ этомъ пріятномъ заблужденіи, не открывая передъ ней настоящей цѣли путешествія. Наконецъ, 17 марта прибыли они въ Куфштейнъ. Можно представить себѣ ужасъ и отчаяніе Теруани, когда она очутилась передъ крѣ-

постью съ тяжелыми желѣзными воротами, башнями и рѣшетчатыми окнами, и когда окончательно убѣдилась, что она только арестантка. Въ ея возбужденномъ воображеніи тотчасъ-же представились всевозможные ужасы; быть можетъ, она уже никогда не получитъ свободы и за этими мрачными тюремными стѣнами подвернется всевозможнымъ пыткамъ, жизнь же ея безнадёжно должна будетъ угасать.

Она судорожно заплакала, получила нервное потрясеніе и неоднократно восклицала: „Лучше умереть, нежели вести проклятую жизнь за этими стѣнами изгнанія!“. Тѣмъ временемъ подошелъ комендантъ крѣпости, капитанъ Шенигеръ, настолько привычный къ подобнымъ выраженіямъ отчаянія узниковъ, что къ настоящей сценѣ съ Теруанью остался совершенно равнодушнымъ.

Но вотъ они отправились черезъ мрачный дворъ, проходили по всевозможнымъ лѣстницамъ, мимо ряда сторожевыхъ постовъ; гремѣли ключи у тяжелыхъ дверныхъ замковъ, и казалось, что все было приспособлено нарочно къ тому, чтобы возбуждать отчаяніе и исключать всякую надежду на какое-либо избавленіе....

Наконецъ, достигли камеры и, послѣ тщательнаго обыска и описи находившагося при ней имущества, Теруанъ оставлена была тамъ одна со своимъ отчаяніемъ. Ея заточеніе продолжалось уже нѣсколько недѣль; но вотъ, въ концѣ мая, прибылъ въ Куфштейнъ столь томительно ожидаемый судебный слѣдователь, надворный совѣтникъ Францъ фонъ-Бланкъ. Благодаря его человѣколюбію и великодушію, слѣдствіе повелось энергично и въ болѣе короткое время, нежели это, вообще, было въ обычаѣ, такъ что процессъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сильно подвинулся впередъ и Теруанъ была оправдана верховнымъ судомъ. Слѣдствіе обнаружило, что все дѣло о покушеніи Теруани на жизнь Маріи Антуанетты было ничѣмъ инымъ, какъ

выдумкой двухъ французскихъ негодяевъ. Когда закончился процессъ, она поѣхала въ Вѣну, сопровождаемая сильнымъ конвоемъ; не желая подвергаться какому-либо излишнимъ любопытствамъ, она совершала свое путешествіе подъ именемъ Лахэ. По истеченіи нѣсколькихъ недѣль, она получила отъ короля Лепольда II вознагражденіе въ 600 флориновъ и ей было приказано затѣмъ немедленно покинуть Вѣну, чтобы никогда уже тамъ не появляться. Оба француза ничего не достигли и, въ концѣ концовъ, должны были еще радоваться, что получили отъ надворнаго совѣтника фонъ-Бланка небольшую сумму на обратный проѣздъ. Въ концѣ ноября 1791 года Теруанъ покинула Вѣну и предварительно направилась въ Люттихъ.

Въ началѣ слѣдующаго года она снова прибыла въ Парижъ, но уже не встрѣтила прежнихъ уваженія и вниманія. Ея обращенія и рѣчи стали неясны и сбивчивы.

26 января 1792 года она появилась въ клубъ якобинцевъ и ее привѣтствовали рѣчью, въ которой ее поздравляли съ избавленіемъ отъ мученій и преслѣдованій.

Но, бѣдная дѣвушка! могла-ли она предвидѣть, какіе ужасы ожидали ее; смерть для нея была-бы лучшимъ средствомъ избѣгнуть то, что перенесла она въ свои послѣдніе годы жизни.

15 мая 1793 года Теруанъ подверглась такой постыдной и жестокой пыткѣ, что умъ ея помутился и она помѣшалась. Въ эти смутныя времена, образовался довольно значительный кружокъ женщинъ, называвшихся членами „Société fraternelle“ *), цѣлью котораго было добровольное шпионство, и эти женщины нападали и задерживали людей, которые имъ казались подозрительными. Когда Теруанъ находилась на террасѣ

*) Братскій союзъ.

Фельянтинскаго монастыря, нѣсколько такихъ женщинъ набросились на нее и одна за другой кричали, что она послѣдовательница Бриссо и стали безпощадно бить ее; въ то время, какъ однѣ сорвали съ нея платье и бѣлье, раздѣвъ ее, такимъ образомъ, до-гола, и наносили ей удары хлыстомъ, другія неистовою толпою скакали вокругъ нея и кричали: „долой Бриссо съ его бриссотинкой!“). Съ большимъ трудомъ нѣсколькимъ мужчинамъ удалось отнять ее отъ разъяренныхъ женщинъ и спасти ей жизнь, такъ какъ онѣ повлекли ее въ паркъ, чтобы потопить въ прудѣ. Но, можно-ли назвать это спасеніемъ? Грубое нападеніе расшатало ея нервы, оскорбленіе ея чувства стыдливости помутило ея рассудокъ. Теруанъ де-Мерикуръ помѣшалась и никогда уже болѣе не могла придти въ сознаніе. Закутанную въ смиренную рубашку, ее доставили въ больницу для умалишенныхъ, сначала въ Сепъ-Марсо, позднѣе въ Сальпетриеръ, гдѣ она произносила какія-то совершенно непонятныя слова, безпрестанно двигала руками, какъ будто отражая нападеніе, и, объята своимъ изступленнымъ бредомъ, прожила такъ цѣлую четверть вѣка, не покидая больницы. Бѣдная Теруанъ походила на мертвый призракъ, о которомъ говорить

*) Жанъ Пьеръ Бриссо, по деревнѣ, гдѣ воспитывался, прозванный де-Варвилемъ, родился въ 1754 г. въ Шартрѣ; сперва адвокатъ, потомъ журналистъ; за ложно приписанный ему памфлетъ противъ королевы, сидѣлъ 4 мѣсяца въ Бастиліи. Связь съ герцогомъ Орлеанскимъ угрожала ему снова арестомъ, отъ котораго онъ спасся бѣгствомъ въ Лондонъ, гдѣ усердно дѣйствовалъ въ пользу уничтоженія торговли неграми. Возвратившись, принялъ дѣятельное участіе въ революціи, сперва какъ журналистъ, потомъ какъ членъ національнаго собранія и начальникъ партіи бриссотиновъ или жирондистовъ. Его умѣренность снискала себѣ довѣріе роялистовъ, но этимъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе якобинцевъ и казненъ въ 1794 году.

Виргилій, и все время казалось, что принуждаетъ себя возстановить въ памяти предшествующую жизнь, но напрасно! Какъ трудно было узнать въ этой бѣдной, лепечущей, помутившейся въ своемъ разсудкѣ женщицѣ Теруань, произнесшую нѣкогда, въ клубѣ якобинцевъ, вдохновенную рѣчь, которая всѣ были поражены.

Прекрасная Теруань избѣгла эшафота, на которомъ погибло столько знаменитыхъ людей ея времени. Для нея-же припасли болѣе грубое наказаніе, такъ какъ ея безумныя бредни производили болѣе сильное впечатлѣніе, нежели смерть.

При звукахъ тысячь трубъ, раздававшихся на праздникъ свободы, когда 3000 птицъ были выпущены на свободу съ прикрѣпленными на ихъ шеи ярлычками, съ надписью: „Мы свободны, послѣдуйте-же и вы за нами!“, долженствовавшею возвѣстить всему міру, что Франція свободна, бѣдная „амазонка революціи“ вела въ своей уединенной кельѣ нескончаемую войну съ привидѣніями, непонятая, забытая, презираемая, на вѣки утратившая всякую способность мыслить.

Несчастливая Анна Терванъ! зачѣмъ покинула ты свою безмятежную деревню, свои лѣса и нивы! Ты не познала-бы тамъ ни восхищенія триумфомъ, ни горечи обидъ и униженій. Твоя жизнь была-бы сплошною идилліей любви; какое же внутреннее побужденіе толкнуло тебя въ бурныя волны революціи?